

Корона Древнего Леса

На грани миров

Елизавета Киселёва

18+

Елизавета Киселёва

**Корона Древнего
Леса. На грани миров**

«Автор»

2026

Киселёва Е.

Корона Древнего Леса. На грани миров / Е. Киселёва — «Автор»,
2026

Что, если любимая сказка детства — не вымысел, а инструкция по выживанию? Когда Лилия и её друзья читают загадочную книгу, реальность рушится. Их затягивает в умирающий мир Древнего Леса, где магия реальна, а пророчества смертельны. Лилия становится королевой фей, но её друзья не помнят прошлого, считая себя героями этой сказки. Её возлюбленный Юкио — избранный принц драконов, обречённый на кровавый ритуал. Чтобы спасти их и этот мир, баланс которого нарушен, Лилии предстоит разгадать тайну исчезновения предыдущей королевы. Десять имён названы вновь. Корона ждёт истинную наследницу. Готова ли ты надеть Корону Древнего Леса?

© Киселёва Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Последняя страница	5
Глава 2 Зов Короны	15
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Елизавета Киселёва

Корона Древнего Леса. На грани миров

Глава 1 Последняя страница

В её памяти этот день был окрашен в цвета огня и золота. Ей было семь лет, и мир за окном старого загородного дома казался враждебным и холодным. Там, за толстым стеклом, бушевала настоящая февральская метель. Ветер выл, как раненый зверь, швыряя в окна пригоршни колючего снега, а внутри, у жарко натопленного камина, царил уют и покой. Она сидела на мягком ковре, поджав под себя ноги, и заворожённо смотрела на огонь. Пламя плясало в камине, отбрасывая на бревенчатые стены причудливые, живые тени. Рядом, в глубоком кресле, сидела бабушка. В руках она держала старинную книгу в потёртом кожаном переплёте. На обложке не было названия, только едва заметное тиснение — силуэт короны.

— Бабушка, почитай ещё, — попросила Лилия, не отрывая взгляда от огня.

Бабушка улыбнулась своей особенной, мудрой улыбкой, от которой в уголках глаз соби-
рались лучики морщинок. Она открыла книгу на заложенной странице.

— Слушай внимательно, милая. Это не просто сказка. Это история о силе, которая живёт в каждом из нас.

Её голос был мягким и глубоким, он обволакивал, унося семилетнюю Лилию далеко-да-
леко от завывающей метели.

*«В самом сердце Древнего Леса, где деревья помнят песни первых ветров, а озёра хранят
отражения давно погасших звёзд, жила Королева Фей...»*

Лилия слушала, затаив дыхание. Она представляла себе этот лес: не страшный и тёмный,
а величественный и живой. Она видела фей — не крошечных существ с крылышками бабочек,
а прекрасных дев с глазами цвета неба и волосами, подобными осеннему пожару.

Голос бабушки стал тише, почти шёпот:

*«Её волосы были подобны осеннему пожару. Они хранили силу четырёх ветров и память
тысячелетий. И лишь тот, кто увидит в них не красоту, а душу, сможет пройти сквозь
чары и стать её союзником...»*

В этот момент Лилия оторвала взгляд от камина и посмотрела на свои руки. А потом
— на своё отражение в тёмном стекле окна. Из-под вязаной шапочки выбивались короткие,
светлые прядки. Обычные детские волосы. Никакого огня. Никакой магии.

Она повернулась к бабушке. В её детских глазах читалась такая тоска и такое желание,
что сердце пожилой женщины дрогнуло.

— Бабушка... — тихо сказала тогда Лилия. — А можно я тоже... отращу такие волосы?
Как у неё?

Бабушка отложила тяжёлую книгу на колени и ласково посмотрела на внучку. Она накло-
нилась и провела тёплой, чуть шершавой ладонью по коротким прядям Лилии.

— Конечно, милая моя девочка... Конечно, можно отрастить такие волосы.

Она сделала паузу, и её взгляд стал серьёзным.

— Но помни: волосы феи — это не просто украшение или цвет... Это обещание.

— Обещание? Кому?

— Обещание самой себе быть сильной. Быть хранительницей своего маленького мира...

И помнить эту сказку всегда-всегда.

С тех пор она дала себе слово. С тех пор она не стриглась ни разу.

Апрельское солнце заливало аудиторию 305 филологического факультета МГУ таким
ярким светом, что казалось, будто зима окончательно сдалась и ушла навсегда. За огром-

ным окном зеленел университетский двор, пахло влажной землёй и распускающейся сиренью. Внутри же царил творческий хаос, свойственный только студенческим проектам перед дедлайном.

Лилия тряхнула головой, отгоняя воспоминание, и солнечный луч тут же заиграл в её медно-рыжих волосах. Она собрала их в небрежный пучок на затылке, но несколько непослушных прядей всё равно выбились, обрамляя лицо с тонкими, немного взволнованными чертами.

— Народ, я вас умоляю, давайте без этого академического занудства! — её голос, звонкий и уверенный, легко перекрыл общий гул. Она взмахнула маркером, как дирижёрской палочкой. — Мы не «Вишнёвый сад» ставим! Это студенческий фестиваль! Нам нужно шоу! Эмоции! Чтобы у зрителей мурашки по коже бежали!

Юкио, сидевший на подоконнике и лениво перелистывавший сценарий, оторвался от страниц и скептически изогнул бровь. В своей потёртой кожаной куртке и с наушниками на шее он выглядел здесь немного инородно — вечный студент-«технарь», которого затащили на гуманитарную тусовку. При росте в 185 см он возвышался над большинством присутствующих, особенно над Лилией, что позволяло ему смотреть на всех немного свысока.

— Лиль, это сказка. Детская сказка про фей и драконов. Какое шоу? — он спрыгнул с подоконника с грацией хищника. — Ты хочешь, чтобы я вышел на сцену в розовых колготках и с крыльями из органзы?

По аудитории прокатился смех.

— Не будь снобом, Юкио! — Алиса, лучшая подруга Лилии, сидевшая прямо на полу, скрестив ноги по-турецки, фыркнула и поправила очки в тяжёлой оправе. Её энергия была через край. — В этой истории есть потенциал! Глубина!

— Глубина? — Денис, душа компании и вечный приколист, оторвался от своего телефона. Он всегда старался быть в центре внимания. Сейчас он листал ленту с мемами. — Там же про любовь и цветочки.

Лилия резко развернулась к нему. Её глаза сверкнули тем самым огнём из камина.

— Там про выбор.

В аудитории воцарилась тишина. Она подошла к доске и обвела название спектакля ещё раз: **«Корона Древнего Леса»**.

— Я помню эту сказку с детства... Моя бабушка читала мне её перед сном. Главная героиня... она была такая же, как я. С такими же волосами.

Она коснулась своей медной пряди, которая выбилась из пучка.

— Она была сильной. Не просто красивая фея, а правительница. Она спасала лес, боролась с тьмой... И у неё был выбор: долг или любовь.

Она обвела взглядом друзей: серьёзного Никиту, задумчивого Луку, застенчиво улыбающуюся Марион.

— Это не про цветочки... Это про нас.

В этот момент дверь аудитории приоткрылась. В проёме показалась изящная, почти кошачья фигура Санго в строгом брючном костюме цвета грозового неба и невысокая, стильная Хасуми в безупречно скроенном деловом платье-трапеции.

— Простите за опоздание, — мелодично, но с явными стальными нотками произнесла Санго, обводя взглядом компанию студентов. Её расчётливый, оценивающий взгляд на мгновение задержался на Юкио, сканируя его с точностью биржевого аналитика, изучающего новый актив. — Нас задержали... по делам.

Хасуми стояла чуть позади неё с идеально прямой спиной, словно проглотила линейку. Её образ был воплощением делового шика: гладкая, волосок к волоску, причёска, минимум украшений, но всё — дизайнерское и дорогое. Никто бы не догадался, что в глубине души эта 29-летняя бизнес-леди тайно обожает всё мягкое и пушистое и хранит дома коллекцию плюшевых мишек, о которой не знает ни одна живая душа.

— О! А вот и наши приглашённые звёзды! — воскликнула Лилия, улыбаясь новеньким так искренне и тепло, что даже Санго на долю секунды растерялась, а её ледяная маска дала едва заметную трещину. — Проходите! Мы как раз обсуждаем концепцию.

Лука, который до этого молча настраивал гитару, поднял голову от инструмента и приветливо кивнул Марион. Та, в свою очередь, оторвалась от перешёптываний с Алисой у окна и помахала рукой. Марион была самой миниатюрной в их компании, но её энергия была через край. Она была весёлой и активной, хотя иногда её щёки вспыхивали румянцем застенчивости.

Никита и Тобиас стояли у двери. Никита — высокий блондин под два метра ростом, Тобиас — крепкий брюнет чуть пониже. Они синхронно посторонились, пропуская девушек. Никита, как всегда рассудительный и спокойный, окинул вошедших внимательным взглядом профессионала. Он был капитаном университетской команды по дебатам и замечал детали, которые ускользали от других. Тобиас, выглядевший суровым со своим шрамом на подбородке, память о неудачном походе в горы на первом курсе, на самом деле уже нашёл с Никитой общий язык на почве любви к хорошим книгам и философским спорам о природе добра и зла.

— Итак, — Лилия снова взяла слово, и её глаза загорелись знакомым всем друзьям огнём одержимости идеей. Этот огонь зажигал костры энтузиазма даже в самых ленивых сердцах. Она была на своей волне. — Я предлагаю отойти от классического прочтения. Никаких картонных корон! Мы сделаем это стильно. мрачно. И очень-очень честно.

Она открыла книгу в старом кожаном переплёте с золотым тиснением — свой личный экземпляр сказки, который она берегла как зеницу ока. Кожа обложки была потёртая, местами потрескавшаяся, но золотое тиснение короны всё ещё мерцало, словно напоминая о чём-то давно забытом.

— Я начну читать вслух? Я хочу, чтобы вы почувствовали ритм этой истории.

Никто не возражал. В аудитории воцарилась тишина, нарушаемая лишь шелестом страниц и далёким шумом города за окном. Денис, сидевший на парте и болтая ногами, подмигнул Лилии. Тайно влюблённый в Лилию, в чём он никогда бы не признался даже под пытками, он всегда старался быть в центре внимания, чтобы видеть её улыбку.

Лилия начала читать. Её голос изменился: из звонкого он стал глубже, наполнился интонациями старой сказки, голосами ветра и шёпотом листвы:

«В самом сердце Древнего Леса...»

Она читала о феях и драконах так, будто сама была там. Денис комментировал каждую строчку смешными замечаниями («Ого, а у фей есть профсоюз?»), вызывая взрывы хохота у Марион и Луки. Никита слушал внимательно, анализируя сюжетные ходы как шахматную партию. Алиса кивала в такт словам лучшей подруги. Санго, скрестив руки на груди, изучала текст с холодным интересом, а Хасуми незаметно достала блокнот, чтобы записать какие-то детали.

Лилия перелистнула страницу. Взгляд её скользнул по последним строчкам... и замер. Текст обрывался на полуслове. Вместо привычного финала о свадьбе внизу страницы каллиграфическим почерком было выведено:

«Когда десять имён будут названы вновь, Корона призовет истинную наследницу».

Мир вокруг Лилии сузился до размеров этой страницы. Сердце пропустило удар. Это было то самое пророчество из её сна? Или... продолжение сказки?

— Что за...? Это не тот конец.

Она судорожно перелистала страницы назад, вперёд. Нет. Конец был именно таким. Станным. Пугающим. Словно кто-то дописал его специально для неё.

— Лиль? Ты чего? — Юкио подошёл ближе. Его тень упала на страницу из-за его плеча, заставив буквы казаться ещё более зловещими.

Внезапно свет в аудитории мигнул и погас совсем. Комната погрузилась в кромешную тьму. А затем мир вокруг них исчез во вспышке ослепительно-белого света.

Тьма была абсолютной. Вязкой. Она пахла озоном и старой бумагой из университетской библиотеки. Первым чувством было ощущение падения — долгого-долгого полёта в пустоте без верха и низа. Это было похоже на свободное падение с парашютом, о котором так мечтал Денис, только парашют никак не раскрывался. А затем падение прекратилось так же резко, как и началось.

Лилия открыла глаза. Она лежала на чём-то мягком и упругом одновременно — это был густой мох под раскидистым дубом или чем-то похожим на дуб. Над головой смыкались кроны деревьев настолько огромных, что их верхушки терялись в изумрудной дымке высоко-высоко вверху. Солнечный свет пробивался сквозь листву странного золотисто-зелёного оттенка. Воздух был густым и сладким, пах влажной землёй, прелыми листьями и чем-то ещё... чем-то волшебным. Это был запах самой жизни.

Она села, оглядываясь по сторонам. Это был не парк МГУ на Воробьёвых горах. Это был лес. Но лес из сказки. Деревья были живыми — она чувствовала это всем телом. Кора одного из ближайших стволов была тёплой на ощупь, а когда она провела по ней рукой, ей показалось, что дерево вздохнуло. «Я сплю?» — мелькнула мысль. Нет. Слишком реально всё было: запахи, звуки, где-то вдали слышалось журчание ручья, ощущение мха под пальцами... И эта надпись в книге... И вспышка света. И Юкио у окна...

— Юкио! Алиса! Денис! Никита! — закричала она изо всех сил.

Её голос эхом разнёсся по лесу... но ответа не последовало.

Она была одна. Паника ледяной волной начала подниматься от кончиков пальцев ног к самому сердцу. Где все? Что это за место? Неужели они все... исчезли?

Она вскочила на ноги и только сейчас заметила своё отражение в небольшом зеркальном озёрце у корней дерева. На неё смотрела... она сама? И всё же не совсем она. Её волосы стали ещё длиннее и гуще; они струились по плечам настоящим огненным водопадом цвета меди и осенней листвы. В них запутались мелкие лесные цветы — ландыши и фиалки, которых здесь просто не могло быть минуту назад. А за спиной... за спиной трепетали тончайшие крылья стрекозы с радужным отливом.

Она коснулась их кончиками пальцев — они были невесомыми и прохладными на ощупь. В этот момент память подбросила ей то самое воспоминание из детства — то самое обещание у камина... И теперь здесь, в этом невозможном лесу из детской сказки, глядя на своё отражение с крыльями за спиной и волосами цвета пожара...

Она вдруг подумала: «А что если Юкио увидит в моих волосах не просто цвет... а ту самую сказку?»

Никита очнулся от ощущения влажной земли и запаха прелой листвы. Он резко сел, инстинктивно потянувшись к луку, который висел за спиной. Пальцы сжали знакомое, гладкое дерево. Мир вокруг был чужим и одновременно до боли знакомым. Это был Древний Лес. Он был дома. Никита оглядел себя: кожаный доспех, колчан со стрелами, лук из ясеня. Всё было на месте. Он был стражем. Его долг — служить Королеве Фей. Но где она? В его памяти, очищенной от жизни в МГУ и студенческих будней, зияла тревожная пустота на месте, где должна была быть его госпожа. Последнее, что он помнил — это тревожный шёпот Леса, говорящий о пророчестве и скором возвращении истинной наследницы.

— Лес неспокоен, — раздался голос за его спиной.

Никита обернулся, бесшумно, как тень. Перед ним стоял ещё один светлый эльф, старше годами, с седой прядью в волосах.

— Ты чувствуешь это, Никита? Границы истончаются. Хаос подступает.

— Я чувствую, — кивнул Никита. — Но я не чувствую Королеву. Где она?

— Это нам и предстоит узнать, — мрачно ответил эльф. — Лес признал её, но она ещё не приняла корону. Иди на зов Священного Древа. Оно укажет путь.

Резкий хруст ветки где-то слева заставил её вздрогнуть и вернуться в реальность леса-которого-не-может-быть. Из-за деревьев вышел высокий светлый эльф с луком за спиной. Его серебристые волосы были похожи на чистый шелк, а лицо выражало смесь настороженности и удивления при виде крылатой девушки у озера. Он медленно опустился на одно колено прямо во влажный мох:

— Моя королева... Мы ждали тебя так долго...

Лилия замерла. Она узнала его мгновенно, но надежда в её сердце тут же столкнулась с реальностью его взгляда. В его глазах не было ни малейшего проблеска узнавания. Для него она не была подругой или девушкой друга. Она была легендой, ставшей явью.

— Поднимись, — тихо сказала она, делая шаг назад. Её голос дрожал. — Пожалуйста... Встань.

Никита повиновался, но остался стоять в почтительном полупоклоне.

— Ты знаешь меня? — спросила Лилия с замиранием сердца.

— Ты — Королева Фей, истинная наследница Короны Древнего Леса, — без запинки ответил он. Его голос был глубоким и спокойным. — Я Никита, твой страж. Я клялся защищать тебя ценой своей жизни.

— Нет-нет-нет... — Лилия замотала головой, отчего её медные пряди взметнулись огненным облаком. — Ты Никита! Мы вместе учимся! Ты капитан команды по дебатам! Ты всегда сначала думаешь, а потом говоришь!

На лице эльфа не дрогнул ни один мускул. Он смотрел на неё с преданностью верного пса, который не понимает странных слов хозяина, но готов выполнить любой приказ.

— Я не знаю этого места под названием «МГУ», моя королева. Моё место здесь, в Лесу, рядом с тобой.

Осознание ударило Лилию под дых, выбив воздух из лёгких. Он не помнил. Никто из них не помнил.

— А Юкио? — прошептала она, цепляясь за последнюю надежду. — Принц-дракон? Ты знаешь его?

Лицо стража помрачнело.

— Да, моя королева. Я знаю о нём. Он Избранный Принц Драконов из рода Пламени Грозовой Горы. Он наш враг.

Тем временем Юкио пришёл в себя от ощущения холода и шероховатости камня под щекой. Он резко втянул воздух, пахнувший серой, озоном и чем-то неуловимо древним, первобытным, словно сама суть мира была здесь сконцентрирована в этом запахе. Он открыл глаза, но вместо привычного потолка аудитории с тусклой лампой над головой увидел над собой необъятный каменный свод пещеры, теряющийся во мраке.

Он сел, потирая ушибленный затылок, и его высокая, атлетичная фигура (рост 185 см) наполнила пространство пещеры ощущением сдержанной силы. Он был одет не в привычную кожаную куртку, а в странный доспех, похожий на переплетение чёрной чешуи с графитовым отливом и хитиновых пластин, который казался естественным продолжением его тела. Острые шипы на плечах и предплечьях не выглядели чужеродно, а защита на голених была идеально интегрирована с чем-то, похожим на природную броню.

Юкио провёл рукой по волосам — они остались такими же чёрными, как смоль, но теперь казались жёстче, а из общей массы волос симметрично над висками выступали короткие, изящно изогнутые рога тёмно-серого цвета с перламутровым отливом. Его глаза, всегда бывшие пронзительными, теперь изменили цвет на глубокий янтарный с вертикальным зрач-

ком, который медленно расширялся, привыкая к полумраку пещеры. Вдоль позвоночника он ощутил ряд небольших костяных шипов.

— Где я? — хрипло спросил он в пустоту. Голос прозвучал незнакомо, в нём появились низкие, рокошующие нотки.

— Ты дома, принц драконов, — ответил ему низкий, раскатистый голос, от которого стены пещеры завибрировали. Из непроглядной темноты выступила огромная тень, заслонившая слабый свет, проникавший откуда-то сверху. Глаза существа вспыхнули двумя сгустками янтарного пламени.

Юкио смотрел на гигантского дракона перед собой и чувствовал странное, абсолютное спокойствие вместо страха. Внутри него разгорался ответный огонь, пульсируя в такт с сердцем. Всё было правильно. Всё было так, как должно быть. Он — здесь. Это — его дом.

— Я не помню... — слова сорвались с губ неуверенно. Память была подобна туману, скрывающему что-то важное. — Последнее, что я помню... это тревога. И зов.

Дракон склонил свою огромную голову к самому лицу Юкио:— Твоя память спит под пеплом веков, Юкио из рода Пламени Грозовой Горы. Но твоя кровь помнит всё. Ты — Избранный Принц Драконов.

Юкио кивнул. Слова древнего существа отзывались в нём правдой более глубокой и фундаментальной, чем любые воспоминания. «Я Избранный», — эта мысль отозвалась в каждой клетке его тела огненным эхом. Она казалась единственно верной и правильной.

Дракон ударил хвостом по каменному полу так, что гора содрогнулась:

— Близится ночь Красной Луны! Ты должен принять душу прежнего короля! Это твой долг перед родом!

Перед внутренним взором Юкио пронеслись смутные образы: вспышка света... и испуганные глаза девушки с волосами цвета осенней листвы... Но это было неважно. Это был лишь отголосок странного сна или забытого видения. Важен был лишь долг перед своим народом и ритуал. Долг был ясен и нерушим.

Алиса очнулась не от звука или света, а от ощущения. Это было чувство абсолютного, всепоглощающего покоя, смешанного с тихой, звенящей тревогой. Она лежала ничком на мягкой, упругой земле, и её щека ощущала прохладу и бархатистость лесного мха. Воздух был густым и сладким, он пах влажной землёй, распускающимися почками и чем-то ещё — неуловимым, древним и живым. Это был запах самого Леса.

Она не открыла глаза сразу. Она *слушала*. Вокруг неё пели птицы, но их трели не были похожи ни на что, слышанное ранее. Это была не просто песня, а сложная мелодия, сплетённая из шелеста листвы, журчания невидимого ручья и далёкого эха ветра в кронах. Это была песня самого мира.

— Лес зовёт меня... — прошептала она вслух. Слова сорвались с губ сами, на странном, певучем наречии, которое она, тем не менее, прекрасно понимала. Это было так же естественно, как дышать.

Она села, и её движения были плавными, текучими, словно у молодой ивы, колышимой ветром. Первое, что она увидела, были её собственные руки. Кожа на них приобрела лёгкий зеленоватый оттенок, похожий на цвет молодых листьев весной. Пальцы стали тоньше и изящнее, а под кожей, если присмотреться, можно было разглядеть тонкие, пульсирующие линии — словно соки, текущие по жилам дерева.

Она поднялась на ноги (её рост был 170 см) и сделала шаг. Босые ступни не чувствовали ни холода, ни острых сучков — земля принимала её как родную. Её взгляд упал на дерево рядом — старый, могучий ясень. Она не подошла к нему. Она *потекла* к нему.

Прижавшись щекой к шершавой коре, она закрыла глаза.

— Я слышу тебя... — прошептала она дереву, и дерево ответило ей. Оно не говорило словами. Оно говорило образами: болью в сухих ветвях, страхом иссохших корней, тоской по ушедшим временам.

— Я слышу Корону... — выдохнула Алиса.

Это имя отозвалось в ней глубокой, тянущей болью. Корона Древнего Леса. Артефакт великой силы и великой печали. Она чувствовала её зов — тихий плач умирающего ветра, доносящийся откуда-то из самого сердца чащи. Зов был слабым, почти угасшим, но для Алисы он звучал громче любого крика.

Её предназначение было ясным как день. Она — дриада. Хранительница зова. Её жизнь была неотделима от жизни этого ясеня, от жизни всего Леса. И сейчас Лес был болен. Баланс нарушен. И Корона взывала к ней о помощи.

Она отстранилась от дерева, её карие глаза наполнились решимостью. Она должна была найти Источник Жизни. Она должна была найти истинную наследницу. Лес ждал.

Денис очнулся от резкого, хлёсткого запаха — смеси влажной земли, прелой листвы и горького дыма. Он резко сел, инстинктивно хватаясь за то, что должно было быть спинкой кровати в общежитии, но его пальцы сжали лишь рыхлую, жирную почву. Он находился в центре Круга Камней — древнего святилища, где земля была вытоптана тысячами ритуальных танцев. Над головой смыкался полог из крон вековых дубов, пропуская лишь редкие, кинжальные лучи солнца.

Он был не в джинсах и толстовке. Его тело облегалa простая, но искусно сшитая одежда из некрашеного льна и оленьей кожи. На плечах лежала накидка из волчьего меха, а на поясе висел небольшой, но увесистый каменный нож и мешочек с сухими травами. Его руки, раньше привыкшие к телефону и клавиатуре, теперь были сильными и мозолистыми. Он поднёс ладонь к лицу — кожа была загорелой, покрытой сетью тонких, светящихся зелёным светом вен.

— Ты наконец-то очнулся, брат, — раздался низкий, спокойный голос.

Перед ним стоял седобородый старец в такой же простой одежде. Его глаза были ясными и пронзительными, как горное озеро. — Я... — Денис нахмурился, пытаясь собрать воедино осколки памяти. В голове была гулкая пустота там, где должны были быть лекции по практике перевода и мемы из интернета. Вместо этого там был шелест листвы, шёпот корней и чувство глубокой, неразрывной связи с этим лесом.

— Я... я не помню своего имени.

— Твоё имя — Денис, — мягко сказал старец. — Ты — друид-жрец, хранитель равновесия. Лес выбрал тебя. Твоя сила нужна ему сейчас, как никогда.

Денис поднялся на ноги. Он не помнил ни МГУ, ни своей влюблённости в Лилию. Его мир сузился до этого круга камней, до боли Леса, которая пульсировала в его собственных венах. Он был сосудом древней магии, и его долг был ясен.

Санго открыла глаза во тьме подземелий. Здесь не было солнца, но воздух был наполнен магическим свечением — фиолетовыми и синими сполохами от кристаллов, вросших в стены пещеры. Она сидела на массивном троне из чёрного обсидиана. Её осанка была идеально прямой, спина не касалась спинки трона даже на миллиметр. На ней было пышное платье из чёрного бархата и густого фиолетового шёлка; корсет был украшен серебряным шитьём в виде паутины и фаз лун. Её взгляд был холодным и расчётливым. Она знала всё: она — Санго, королева тёмных эльфов, рождённая от союза светлой эльфийки и тёмного эльфа-изгнанника. Её магия была сильна — она способна подчинить волю дракона.

Вокруг неё стояли её подданные — тёмные эльфы в церемониальных одеждах из чёрного бархата с аметистовой вышивкой. — Ваше Величество Санго! Вы вернулись к нам! — их голоса эхом разносились по залу.

Она поднялась с трона одним плавным движением.

— Я вернулась для того, чтобы наш народ занял достойное место под солнцем... или над ним, — её голос был низким и властным. Она не помнила ни о хитрых планах из реального мира, ни о безответной любви к Юкио. Здесь её целью была власть и контроль над магией друидов через Корневой договор.

Марион очнулась от ощущения прохлады и невесомости. Она не лежала, а словно парила в толще воды, пронизанной косыми лучами солнца. Воздух — или это была вода? — пах озоновой свежестью после грозы и сладким ароматом водяных лилий. Она открыла глаза и увидела, что находится в сердце волшебного озера. Вода вокруг неё была кристально чистой, и она могла разглядеть песчаное дно, усыпанное перламутровыми ракушками. Она была обнажена, но не чувствовала холода. Её кожа была гладкой и бледной, с жемчужным отливом, который, казалось, излучал собственное мягкое свечение.

Длинные волосы цвета спелой пшеницы не тонули, а струились вокруг её головы живым ореолом, в котором запутались белоснежные кувшинки и капли росы, отказывающиеся падать вниз. Она коснулась своих волос — они были шелковистыми и прохладными. Она оттолкнулась ногами от песчаного дна и легко всплыла на поверхность. Вода расступилась перед ней без единого звука. Она села на плоский камень, наполовину погружённый в воду, и посмотрела на своё отражение. Из глубины озера на неё смотрела нимфа — дух этого места.

— Марион... — прошептала она, и имя отозвалось в ней мелодичным звоном подводных колокольчиков. Это было её имя. Оно было таким же древним и естественным, как плеск волн о берег.

Она опустила руку в воду, и гладь озера подёрнулась рябью. Но это была не простая рябь: по поверхности побежали образы, ясные, как сама реальность. Перед её внутренним взором пронеслись картины далёкого прошлого — рождение первой королевы фей из Источника Жизни, создание Короны из ветвей Священного Древа, предательство короля драконов, и наложение древнего проклятия, от которого содрогнулся весь лес. Её разум стал хранилищем памяти Древнего Леса, а душа — его глазами и памятью.

Внезапно она почувствовала чьё-то неуклюжее присутствие на берегу. Кто-то споткнулся о корень и тихо выругался. Марион обернулась.

На берегу стоял юноша, с растерянным видом оглядывающий окрестности. Его одежда выглядела странно: свободные штаны из тёмной ткани и светлая рубаха с широкими рукавами. Он был красив какой-то дикой, необузданной красотой. В нём чувствовалась двойственность: что-то светлое и тёплое боролось в нём с чем-то тёмным и холодным.

— Ты кто? — спросил он хрипло, щурясь от солнца.

Марион улыбнулась ему мягкой, открытой улыбкой:

— Я Марион, нимфа этого озера.

В этом мире её душа была свободна и легка, как ветер над водой. Она больше не помнила ни студенческих вечеринок, ни своей застенчивости в толпе — всё это осталось где-то далеко, в мире, который теперь казался ей сном.

— Тихе-тише... — Марион подошла ближе к берегу, её шаги по воде были беззвучны. — Не двигайся резко, целитель. Твои силы ещё не восстановились.

Лука сел, потирая виски. Он только сейчас осознал глубинное, сосущее чувство нехватки энергии внутри своего тела — не голод по еде, а нехватку жизненной силы.

— Целитель? — спросил он хрипло.

— Ты Лука-целитель, — подтвердила нимфа Марион, улыбаясь ему. — Сын двух начал. Твой дар нужен этому миру как никогда раньше.

Он посмотрел на свои руки. Кожа была бледной, почти белой, но по венам под ней иногда пробегала тень, словно чернила в воде. В его жилах текла не просто кровь: тёплая, живительная сила света, дарованная матерью-жрицей, боролась с холодной, вязкой тьмой наследия отца — тёмного эльфа-изгнанника.

Лука ухмыльнулся своей привычной обаятельной улыбкой:

— Ну раз нужен... Тогда, может, сначала перекусим? Умираю с голоду!

Марион рассмеялась звонким смехом, и её смех слился с плеском волн:

— Для начала тебе нужно научиться питаться энергией звёзд!

Лука огляделся, впитывая красоту окружающего мира. Он не помнил ни о своей любви к музыке, ни о том, как смешил друзей анекдотами. Теперь он был целителем с тяжёлым наследием двух кровей, и его новая жизнь только начиналась.

Марион протянула ему руку:

— Пойдём. Я покажу тебе путь к Источнику Жизни. Он поможет восстановить твои силы.

Лука взял её руку, и в этот момент между ними пробежала искра взаимопонимания. Они двинулись вдоль берега волшебного озера, навстречу новым испытаниям и открытиям в Древнем Лесу, где каждый шаг таил в себе тайну, а каждый вздох наполнялся магией первозданного мира.

Хасуми не проснулась — она проявилась. Её сущность соткалась из утреннего тумана, лунного света и запаха влажной хвои. Она возникла посреди поляны, залитой жемчужно-розовым сиянием, которое исходило не от солнца, а от неё самой. Воздух здесь был плотным, звенящим от магии, и пах озоном, сандалом и едва уловимым ароматом цветущей сливы. Она приняла человеческий облик. Это была стройная женщина с царственной осанкой и грацией хищника. Её лицо с тонкими, аристократичными чертами оставалось бесстрастным, но в миндалевидных глазах цвета жидкого янтаря с вертикальным зрачком плескалась мудрость веков. Из её идеально уложенных тёмных волос (две косы обрамляли лицо, украшенные серебряными заколками с жемчугом) чутко торчали изящные лисьи ушки, покрытые мягким серебристо-белым мехом. Ушки были её слабостью: сейчас они были чуть повернуты вперед, выдавая сосредоточенное внимание.

Её одеяние было под стать её сущности. На ней было традиционное платье в пастельно-розовых тонах, напоминающее кимоно. Ткань — невесомый шёлк — струилась при каждом движении, словно лепестки сакуры. Цветочный принт — изящные ветви цветущей вишни — украшал подол и широкие рукава. Широкий пояс-оби с драгоценной бирюзовой вставкой подчеркивал тонкую талию. За её спиной покоились девять великолепных хвостов. Сейчас они были неподвижны и сложены аккуратным веером, их кончики касались земли. Хасуми могла прятать их, делая невидимыми для чужих глаз, но сейчас в этом не было нужды.

Она не помнила ни о строгих деловых костюмах, ни о совещаниях в стеклянных офисах. Её память была памятью духов: она помнила шёпот лесов столетней давности, видела падение звёзд и помнила вкус лунного света. Она была духом-проводником в этом мире. Её взгляд был устремлён на восток — туда, где над миром возвышалась Грозовая Гора. Её уши дрогнули, ловя далёкий рокот. «Принц», — мысль сформировалась в её сознании не словами, а чистым чувством — смесью тревоги и инстинктивной ответственности. Её путь лежал к нему. Юкио, принц-дракон. Его сила пробуждалась, и без её контроля она могла сжечь его изнутри.

Она не помнила ни о братской любви, ни о том, что в другой жизни была старше его на пять лет. В этом мире они были представителями враждующих стихий: он — дракон из рода Пламени Грозовой Горы, она — древний дух леса. Их связь была не родственной, а магической и вынужденной.

Хасуми сделала первый шаг. Её движения были плавными и бесшумными, словно она скользила над травой, а не шла по ней. Вокруг неё закружились крошечные светлячки — проявление её духовной энергии. Её путь был ясен. Ей предстояло найти Юкио раньше, чем его драконья сущность поглотит его разум. Она была его якорем, его проводником между огнём и разумом. И хотя её взгляд оставался строгим и сосредоточенным, а лицо — маской невозмутимости, где-то в глубине её древней души таилась тайная слабость: она обожала всё мягкое и пушистое. Но сейчас было не время для таких глупостей. Долг звал её к подножию Грозо-

вой Горы. Она растворилась в лесной чаще, оставив после себя лишь лёгкий аромат сандала и мерцание исчезающих в воздухе искр.

Тобиас очнулся от резкого запаха дыма, железа и влажной шерсти. Он лежал на жёсткой земле, укрытый грубым шерстяным плащом. Первое, что он почувствовал, — это тяжесть. Тяжесть доспехов на плечах, тяжесть меча в ножнах на поясе и тяжесть вины, которая, казалось, была вплетена в самую ткань его новой жизни. Он резко сел, и его взгляд упёрся в чостокол из заострённых брёвен. Вокруг кипела жизнь военного лагеря. Люди — низкорослые, коренастые, с грубыми лицами — сновали между палатками из шкур. В центре лагеря горел огромный костёр, у которого точили оружие и тихо переговаривались воины. Это был не фестиваль МГУ. Это был военный стан на границе с Древним Лесом.

Тобиас был одет как они: в кожаный доспех с нашитыми металлическими пластинами, потёртый от времени. На его поясе висел тяжёлый полторный меч в простых ножнах. Его руки были руками воина — мозолистыми, со следами старых шрамов и свежих ссадин. Он провёл пальцами по подбородку и наткнулся на шрам — старый, давно заживший, но всё ещё заметный. Он не помнил, как его получил.

— Проснулся наконец, — раздался низкий, хриплый голос.

Рядом с ним на бревно опустился седой воин с лицом, испещрённым морщинами и шрамами. Его взгляд был усталым, но цепким.

— Я... — Тобиас нахмурился. В голове была гулкая пустота там, где должны были быть лекции и планы на выходные. Вместо этого там были лишь обрывки: звон стали, крики битвы и чувство невыносимого стыда. — Я не помню...

— Твоё имя Тобиас, — спокойно сказал воин. — Ты должен дать клятву верности Королеве Фей. Чтобы искупить грех человеческий.

Слово «грех» ударило Тобиаса под дых, словно кулак. Он помнил его. Не как концепцию из учебника философии, а как живую, кровоточащую рану в душе. Он помнил пролитую кровь. Помнил крики фей. Он был человеком, и он совершил то, за что люди были прокляты и лишены магии. Он посмотрел на свои руки. Они были руками убийцы.

— Я... я должен служить ей? — голос Тобиаса был хриплым.

— Ты должен защищать её. Это твой единственный путь к искуплению. Или ты хочешь вернуться во тьму своего прошлого?

Тобиас медленно поднялся на ноги. Его тело двигалось с выверенной экономией движений опытного мечника. Он не помнил ни о походах в горы с друзьями, ни о своей суровой внешности как о поводе для шуток. Его мир сузился до этого лагеря, до тяжести меча на поясе и до клятвы, которую ему предстояло дать у Священного Древа.

Он посмотрел в сторону тёмной стены леса на горизонте.

— Веди меня к госпоже, — твёрдо сказал он. — Моя клятва ждёт исполнения.

Его путь лежал к Священному Древу, туда, где ждала та, кому он поклялся служить до последней капли крови.

Один за другим герои просыпались в новом мире, забывая свою прошлую жизнь студентов МГУ и принимая свои новые роли. Мир Древнего Леса ждал их возвращения к Источнику Жизни для восстановления баланса или окончательного разрушения старого порядка.

Глава 2 Зов Короны

Слова Никиты — «Он наш враг» — повисли в густом, пахнущем озоном воздухе ядовитым облаком. Лилия шла за ним след в след, спотыкаясь о узловатые корни, которые, казалось, специально лезли под ноги. Её новообретённые крылья едва заметно подрагивали при каждом шаге, переливаясь радужным отливом в лучах солнца. Тончайшие прожилки на полупрозрачных крыльях мерцали всеми цветами радуги — от нежно-розового до глубокого сапфирового. Каждый шаг отдавался глухой болью в ушибленной при падении коленке.

Она чувствовала себя самозванкой в этом мире. На ней было платье феи — тончайшее, как дыхание утреннего ветра, расшитое узорами из серебряных нитей и живых фиалок. Оно будто принадлежало кому-то другому — той, кто по праву рождён править этим волшебным миром. А она всё ещё слышала отголоски прошлой жизни: гул аудитории на лекциях, смех друзей в кафе... Но эти звуки затихали, растворяясь в шёпоте леса, становясь далёким сном, нереальным и почти забытым.

— Ты... ты правда ничего не помнишь? — её голос предательски дрогнул, сорвавшись на хриплый шёпот. В нём звучала мольба, которую она ненавидела в себе. — Ни того, как мы вместе готовились к семинару по зарубежке? До трёх утра пили кофе? Как ты выиграл дебаты на первом курсе, а я испекла тебе пирог?

Страж даже не сбавил шага. Его высокая фигура скользила между деревьями бесшумно, как тень. Он был облачён в кожаный доспех, идеально подогнанный под его атлетичное тело, и походил на оживший миф, а не на студента-филолога. Для него этот лес был домом, полным знакомых звуков и запахов: шелеста листьев, пения птиц, аромата хвои и влажной земли. Для неё — лабиринтом из гигантских папоротников и враждебной тишины, где каждый шорох заставлял сердце замирать от тревоги.

— Я помню свою клятву у корней Священного Древа, — ответил он ровным, лишённым эмоций голосом, от которого у Лилии мороз пошёл по коже. — Я помню свой лук и стрелы. Я помню вкус утренней росы и долг стража. Остальное — прах и пепел несуществующего прошлого.

Лилия обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, которая теперь была всё тело. Холод пробирал до костей, но это было ничто по сравнению с ледяной пустотой внутри. Она была одна. Совершенно одна. В чужом мире, среди тех, кто когда-то был ей близок. Они вышли на небольшую поляну, залитую странным, приглушённым светом, который лился словно бы из-под земли. Воздух здесь был другим — слаще, гуще, он пах перезрелыми фруктами и влажной землёй после грозы, с примесью чего-то древнего, неуловимого. В центре поляны рос ясень, чей ствол светился изнутри мягким изумрудным сиянием, словно внутри него теплилась жизнь самого леса. Ветви дерева были усыпаны серебристыми листьями, которые мягко мерцали в полумраке.

У подножия дерева сидела девушка. Она водила тонкими пальцами по земле, и там, где она касалась почвы, распускались крошечные синие цветы, похожие на звёзды. Её кожа отливала лёгким зеленоватым оттенком, а волосы, переплетённые тонкими лозами, струились по плечам, как живые.

— Алиса! — крикнула Лилия и побежала к ней, забыв про усталость и страх. Её сердце забилось чаще — может, хоть Алиса вспомнит? Может, в её глазах мелькнёт искорка узнавания?

Алиса резко вскинула голову. Её карие глаза, всегда бывшие такими тёплыми и понимающими, теперь казались бездонными колодцами древней мудрости. В них не было ни капли узнавания, лишь настороженность лесного зверя, готового защищаться.

— Кто ты? — прошипела дриада, поднимаясь одним плавным движением. — Как ты смеешь произносить моё имя? Я — хранительница зова этого ясеня. Лес говорит со мной о хаосе и боли. А ты... ты самозванка!

Лилия остановилась как вкопанная, будто налетела на невидимую стену. Слова подруги ударили сильнее любого клинка. В груди что-то оборвалось, и на мгновение ей показалось, что она сейчас упадёт.

— Это же я... — выдохнула она, делая неуверенный шаг вперёд. — Лилия! Мы... мы лучшие подруги! Помнишь, как ты учила меня бисероплетению? Как мы прятались от дождя в маленьком кафе и пили горячий шоколад?

Дриада оскалилась, обнажая зубы, слишком острые для человека.

— Моей подругой была роса на листьях и шёпот ветра. Я не знаю никакой Лилии из несуществующих мест.

Осознание ударило под дых, выбив воздух из лёгких. Они все забыли. Абсолютно всё. Их настоящие жизни стёрты, как мел с доски. И теперь ей предстояло понять, как вернуть их воспоминания — или научиться жить в этом новом, чужом мире, где она была королевой без подданных, девушкой без друзей и наследницей без прошлого.

Тишина, последовавшая за словами дриады, давила физически — словно невидимая тяжесть опустилась на плечи каждого. Воздух сгустился, стал плотным и вязким, будто пропитанным напряжением и невысказанными страхами. В кронах деревьев затихли птицы, даже ветер, казалось, задержал дыхание, прислушиваясь к тому, что произойдёт дальше. Никита молча встал рядом с Лилией, чуть выдвинувшись вперёд, как бы закрывая её собой. Его рука скользнула к плечу — там, где в специальном креплении покоился лук из ясеня, отполированный до блеска. Пальцы привычно обхватили рукоять, проверяя готовность оружия. Он не понимал всех слов Алисы, но чувствовал угрозу, разлитую в воздухе, как запах грозы перед бурей. Взгляд эльфа метнулся по сторонам — он сканировал пространство, выискивая опасность, которая могла скрываться в тени деревьев или за изгибом тропы. В любой момент он был готов вскинуть лук и пустить стрелу быстрее, чем враг успеет сделать шаг.

— Нам нужно найти Источник Жизни, — тихо сказала Лилия, вытирая непрошеную слезу тыльной стороной ладони. Её голос прозвучал глухо и надломленно, словно она боролась с комом в горле. Она подняла голову, и в её изумрудных глазах отразилась целая буря эмоций: страх, отчаяние, но и упрямая решимость. — Только там мы найдем ответы. Я чувствую это.

Дриада застыла, словно статуя, а взгляд стал отстранённым, расфокусированным — будто она смотрела не на поляну перед собой, а куда-то вглубь, в потаённые уголки своего сознания. Ноздри её затрепетали, втягивая воздух с едва слышным звуком, словно у животного, учуявшего след. Грудная клетка медленно поднялась и опустилась в глубоком вдохе.

— Да... — прошептала она, закрывая глаза. Её ресницы дрогнули, а губы чуть заметно шевелились, будто она вела безмолвный диалог с кем-то невидимым. — Я слышу его. Зов Короны... Он исходит оттуда. Он слаб, едва различим, как биение сердца умирающего зверя... Но он реален. Он зовёт истинную наследницу.

Она открыла глаза — и Лилия невольно отступила на шаг. Взгляд Алисы изменился кардинально: из мягкого и мечтательного он стал острым, оценивающим, сканирующим. Теперь в нём читался опыт веков, мудрость хранителя древних тайн. Это был взгляд профессионала, увидевшего перед собой не растерянную девушку, а равного — того, кто несёт в себе ключ к спасению мира.

— Твои волосы... — медленно произнесла дриада, делая шаг к Лилии. Её рука поднялась, но замерла в воздухе, не решаясь коснуться огненных прядей. — Они пульсируют магией. Смотри...

Лилия опустила взгляд и замерла: в самом деле, её волосы, цвета меди и осенней листвы, мягко мерцали, излучая едва заметное золотистое сияние. Отдельные пряди подрагивали,

словно реагируя на невидимый ветер. Алиса осторожно провела рукой рядом с ними — в воздухе пробежали искорки, похожие на светлячков.

— Они хранят силу четырёх ветров, — продолжила дриада почти благоговейно. — Лес признал тебя. Я... я отведу вас к Источнику. Это мой долг как хранительницы зова.

Никита кивнул, впервые проявив явное одобрение. Его напряжённые плечи чуть опустились, а рука неохотно разжалась, отпуская рукоять лука. Он перекинул тетиву через плечо и слегка расслабил пальцы — но не настолько, чтобы потерять бдительность.

— Мудрое решение, хранительница зова, — произнёс он, и в его голосе прозвучала нотка уважения, которой не было раньше. — Я буду прикрывать вас сзади. В этом лесу опасностей больше, чем листьев на деревьях.

Так началось их путешествие втроём. Никита был их клинком и щитом — его присутствие ощущалось как гранитная скала: надёжная, холодная, несокрушимая. Он шёл впереди, бесшумно ступая по мху, его глаза постоянно сканировали окрестности, а пальцы то и дело проверяли, легко ли ложится стрела на тетиву. Иногда он останавливался, скидывал лук, целясь в какую-то тень среди деревьев, — но затем опускал оружие, убедившись, что это всего лишь игра света и тени.

Алиса стала проводником — её чувства были настроены на пульсацию магии леса. Она шла чуть позади, но уверенно выбирала путь, иногда останавливаясь, чтобы коснуться коры дерева или провести рукой над травой. Её глаза иногда затуманивались, когда она прислушивалась к шёпоту листьев, а губы беззвучно шевелились в ответ. А Лилия... Лилия была сердцем их маленького, потерянного отряда. Несмотря на то что её душа разрывалась от невыносимого одиночества и тоски по прежней жизни, она старалась держаться. Её крылья подрагивали при каждом шаге, отражая внутреннюю борьбу. Но когда кто-то из спутников спотыкался или замедлял шаг, она оборачивалась, улыбалась — пусть и слегка дрожащей улыбкой — и протягивала руку. В эти моменты её глаза загорались тёплым светом, который согревал всех вокруг, напоминая, что они не одни в этом странном, опасном мире.

Денис покинул Круг Камней, повинаясь неведомому зову, который пульсировал в его венах вместо крови, заставляя посох из тёмного дерева вибрировать в такт сердцебиению Леса. Древесина под пальцами слегка нагревалась, а вырезанные на ней руны едва заметно мерцали зелёным светом. Дикий Лес встретил его сыростью и запахом прелой листвы, смешанным с горьковатым ароматом грибницы и сладковатой смолой древних деревьев. Он шёл напролом, не разбирая дороги, ведомый инстинктом, который теперь казался ему более естественным, чем дыхание. Ветви цеплялись за одежду, но он не замечал этого — его взгляд был устремлён вперёд, а слух ловил каждый шорох, каждое дыхание леса.

Когда тропинка вывела его на более освещённый участок, где солнечные лучи пробивались сквозь кроны, создавая на земле мозаику света и тени, он замер. Впереди он увидел высокую фигуру светлого эльфа и двух девушек. Приглядевшись, он заметил за спиной одной из них радужные крылья, трепещущие на ветру, — они переливались всеми цветами радуги, словно сотканые из утренней росы и солнечного света.

«Королева фей», — знание пришло само, спокойное и абсолютное, как падение осеннего листа. Оно не вызвало удивления — оно было таким же естественным, как биение сердца. Денис опустил посох, и тот перестал вибрировать, лишь слабо пульсировал в такт дыханию леса. Хрустнув сухой веткой, он ускорил шаг.

— Подождите! — окликнул он группу. Его собственный голос показался ему чужим — более глубоким, наполненным силой, которой раньше не было. — Я Денис, друид-жрец. Лес ведёт меня тем же путём, что и вас.

Реакция была мгновенной. Никита развернулся быстрее мысли, плавным, отточенным движением, которое выдавало в нём опытного воина. Стрела уже лежала на тетиве лука, наце-

ленная прямо в грудь человеку. Его поза была напряжённой, но уверенной — он был готов выпустить стрелу в долю секунды.

— Назови своё предназначение, человек, — голос эльфа был подобен лязгу стали, холодный и непреклонный.

Денис не отступил. Он распрямил плечи, поднял подбородок и посмотрел прямо в льдистые глаза стража. Его рука крепче сжала посох, и на мгновение вокруг него замерцало слабое зелёное сияние.

— Хранить равновесие, — просто ответил Денис. — И служить той, кого избрал Лес.

Лилия вышла из-за спины своего защитника. Она выглядела невероятно уставшей — под глазами залегли тёмные круги, а крылья слегка подрагивали, будто ей было трудно их удерживать. Но в её глазах Денис увидел отблеск чего-то знакомого — отчаянной надежды, которая, казалось, вот-вот погаснет, но всё ещё теплилась.

— Пропусти его, Никита, — тихо, но твёрдо сказала она. — Я чувствую... он говорит правду.

Никита на мгновение замер, затем медленно опустил лук. Его взгляд скользнул по Денису, оценивая, взвешивая. Наконец, он кивнул и отошёл в сторону.

Денис присоединился к ним молча, став четвёртым в их растущем отряде. Теперь они шли плотнее, чувствуя локоть друг друга. Он ощутил, как напряжение постепенно покидает его тело, а связь с лесом становится ещё крепче — словно сама земля под ногами давала ему силы.

Выход из Чащи Мрака был похож на глоток свежего воздуха после долгого пребывания под водой. Лука жадно вдохнул чистый аромат Сияющей Поляны — здесь пахло цветущими травами, мёдом диких пчёл и свежестью утренней росы. Он провёл рукой по лицу, словно смывая остатки мрака, и улыбнулся, чувствуя, как силы понемногу возвращаются к нему. Рядом с ним легко ступала Марион, её босые ноги не оставляли следов на мягком мхе. Её платье из лунного света и тумана колыхнулось, когда она повернулась к Луке и подмигнула ему. Её волосы цвета спелой пшеницы струились за спиной, а глаза искрились весельем.

Но их путь преградили два стройных воина в серебристых доспехах, появившихся из-за деревьев так внезапно, будто соткались из тумана. Патруль светлых эльфов из Лучезарного Бастиона. Их копьё сверкали в солнечных лучах, а взгляды были холодными и настороженными.

— Стоять! — один из эльфов направил остриё копьё на Луку. Его голос звучал резко и властно. — Полукровка и нимфа. Что вам нужно на священной земле?

Марион выступила вперёд, её движения были плавными и грациозными, словно танец. Платье колыхнулось, хотя ветра не было, и вокруг неё на мгновение вспыхнули крошечные искорки света.

— Мы идём на зов Источника Жизни, — её голос прозвенел, как колокольчик, чистый и мелодичный. — Нас призывает пророчество.

Эльфы переглянулись, их пальцы крепче сжали древки копий. Они были готовы атаковать, но тут треск ветвей возвестил о прибытии ещё одной группы. Из-за поворота вышла Лилия со своим отрядом — Денис шёл рядом с ней, Никита замыкал шествие, а Алиса мягко скользила между деревьями, словно часть самого леса.

— Опустите оружие, — властно приказала Лилия. Голос королевы больше не дрожал; он звучал звонко и повелительно, резонируя с самой сутью леса. Её крылья затрепетали, излучая мягкое сияние, а в глазах вспыхнул золотистый огонь. — Они со мной.

Стражники вздрогнули и склонили головы. Один из них сделал шаг назад и опустил копьё, второй последовал его примеру. Они расступились, освобождая проход.

Лука посмотрел на Лилию с благодарной улыбкой, которая тут же сменилась голодным блеском в глазах. Он провёл рукой по животу и театрально вздохнул.

— Ну раз уж нас официально представили... — протянул он, потирая живот. — Может, найдём какой-нибудь трактир по пути? Умираю с голоду.

Марион тихонько рассмеялась, и её смех был похож на перезвон маленьких серебряных колокольчиков, развеяв остатки напряжения. Алиса улыбнулась, а Денис хмыкнул, качая головой. Даже Никита позволил себе едва заметную усмешку.

— Боюсь, в Древнем Лесу нет трактиров, — мягко сказала Лилия, и в её голосе впервые за долгое время прозвучала нотка облегчения. — Но я уверена, мы найдём что-нибудь съедобное.

Лука подмигнул ей:

— Главное, чтобы это не оказалось каким-нибудь магическим корнем с сюрпризом.

Группа двинулась дальше, и напряжение, висевшее в воздухе, окончательно рассеялось. Впереди их ждал Источник Жизни — место, где должны были решиться судьбы мира.

Тобиас прибыл к стенам Лучезарного Бастиона, когда солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона. Его тяжёлые шаги глухо отдавались в груди — каждый шаг давался с усилием после долгого пути через чащу. Доспехи, покрытые царапинами и пятнами мха, звенели при каждом движении, а меч на поясе казался вдвое тяжелее обычного.

Ворота из живого серебра открылись перед ним без единого звука — стража уже получила весть. Тобиас на мгновение замер на пороге, окинув взглядом величественные стены крепости, сверкающие в последних лучах солнца. Он глубоко вдохнул, расправил плечи и переступил порог.

Внутри крепости пахло металлом, оружейной смазкой и сухими лесными травами, разложенными вдоль стен для отпугивания насекомых. Высокие своды и широкие коридоры, выложенные белым камнем, казались непривычно просторными после тесных лесных троп. Светлые эльфы, встречавшиеся на пути, смотрели на него с холодным презрением, но пропускали. Их взгляды, острые как клинки, скользили по его доспехам, задерживались на человеческом лице, затем равнодушно отворачивались. Для них он был просто очередным человеком, ищущим искупления, — одним из многих, кто приходил сюда в надежде смыть грехи своего рода.

Тобиас стискивал зубы, чувствуя, как в груди закипает гнев, но заставлял себя идти дальше, не обращая внимания на молчаливое пренебрежение. Он знал, куда направляется: в сердце крепости, к центральной поляне, где росло Священное Древо.

По мере приближения к цели гул голосов становился всё отчётливее — низкий рокот мужских интонаций перемежался с высокими, певучими голосами эльфов и едва уловимым шелестом крыльев. Наконец, коридоры сменились широкими арочными проёмами, и перед Тобиасом открылась просторная поляна, залитая последними лучами заката.

В центре поляны возвышался гигантский ствол Священного Древа, чьи исполинские корни выступали из земли, образуя естественные ступени и ниши. У подножия дерева стояла группа существ. Крылатая девушка с волосами цвета осенней листвы и меди возвышалась в центре круга. Её крылья трепетали при каждом вздохе, переливаясь всеми оттенками радуги в лучах заката. Она принимала клятвы верности от тех, кто склонялся перед ней, и воздух вокруг буквально гудел от сдерживаемой магии — едва заметные искры пробегали по её коже, а вокруг головы мерцал слабый ореол.

Тобиас остановился в нескольких шагах от круга. Он не сказал ни слова. Его лицо осталось непроницаемым, но в глазах читалась буря эмоций: гордость, сомнение, решимость. Медленно, с нарочитой чёткостью, он отстегнул пояс с ножнами. Металл глухо звякнул, когда он опустил его на землю рядом с собой. Затем, выпрямившись во весь рост, на мгновение замер, глядя прямо в глаза крылатой девушке.

В следующий миг он рухнул на одно колено. Движение было резким, почти яростным — так воин не просит милости, а заявляет о своём выборе. Сначала он положил меч плашмя перед собой — рукоятью к королеве, лезвием — к себе. Этот жест означал безоговорочную

покорность: оружие, готовое к бою, но не направленное ни на кого. Затем, склонив голову, он с силой вогнал клинок во влажную, податливую почву у самых корней Древа. Лезвие вошло глубоко, оставив в земле тёмную щель, а рукоять осталась торчать вертикально — словно символ новой верности, укоренившейся в этой земле.

— Воин Тобиас приносит клятву верности новой королеве, чтобы искупить грех человеческий, — прогремел его хриплый, привыкший отдавать команды голос. Он звучал твёрдо, без тени сомнения, но в глубине души Тобиас ощущал, как что-то внутри него меняется — будто старая жизнь осталась за стенами Бастиона, а впереди начинается новая, неведомая глава.

Лилия (крылатая девушка) на мгновение замерла, поражённая силой и искренностью этого жеста. Она сделала шаг вперёд, протянула руку — не для того, чтобы коснуться, а словно благословляя его решение.

— Принимаю твою клятву, воин, — её голос зазвучал неожиданно мягко, но в нём чувствовалась непреклонная воля. — Пусть она станет началом искупления не только для тебя, но и для всего твоего народа.

Тобиас поднял голову, встретился с ней взглядом — и впервые за долгое время почувствовал, что сделал правильный выбор. Он коротко кивнул, поднялся с колена и отступил на шаг, становясь в ряд с другими верными. Меч остался торчать в земле — как символ его обещания, как знак того, что он теперь часть чего-то большего.

Хасуми-дух скользила сквозь Дикие Земли, оставляя за собой мерцающий след. Её девять хвостов, обычно скрытых от посторонних глаз сложной иллюзией, сейчас струились за ней жемчужно-розовым шлейфом, разгоняя липкий туман Чащи Мрака. Её уши были плотно прижаты к голове — она чувствовала колоссальный выброс драконьей силы далеко на востоке. Это было похоже на бушующий пожар, готовый испепелить всё живое, смешанный с первобытной яростью раненого зверя. Запах серы и озона бил в нос даже отсюда, оседая на языке едкой горечью.

Она знала, куда ведёт этот след: к Грозовой Горе, чьи вершины уже чернели на фоне багровеющего неба. Долг звал её туда громче, чем любая привязанность, — не как к близкому существу, а как к тому, кому суждено стать якорем посреди бури. Она не называла его братом: в этом сказочном мире, где память о прошлом растворилась в тумане новых ипостасей, между ними не было родственных слов, только древняя связь проводника и того, кого нужно удержать от распада.

По мере приближения к горе воздух становился плотнее, будто его спрессовали в тяжёлую ткань. Под ногами земля дрожала короткими, злыми толчками. Хасуми замедлилась, пригнулась: сквозь гарь и озон пробивался тонкий, узнаваемый аромат сандала — он шёл от неё самой, лёгкий шлейф её лисьей сути, который в минуты напряжения проступал сквозь любые чары. Этот запах был как тихая метка мира посреди нарастающего хаоса.

В недрах Грозовой Горы, в самой сердцевине каменных лабиринтов, Юкио-принц стоял перед останками короля драконов. Огромная туша занимала половину пещеры; своды нависали над ней, как застывшая гроза. Янтарный огонь в глазах древнего существа давно угас, превратившись в тусклые угольки, а из пасти вырывалось лишь холодное, безжизненное дыхание, от которого на стенах оседала серебристая изморозь.

У изголовья мёртвого короля, на грубо выточенной каменной подставке, лежал артефакт — кристалл, похожий на застывшую каплю драконьей крови. Он не сиял, но пульсировал изнутри глухим, ритмичным биением, будто кто-то спрятал в нём живое сердце. Это и был сосуд, созданный тёмными эльфами: в нём томила душа короля драконов, запечатанная в миг его последнего выдоха. Грани кристалла были испещрены рунами, которые время от времени вспыхивали багровым светом, и от этих вспышек по телу Юкио пробегала судорога, словно кто-то дёргал за невидимые нити.

Принц чувствовал, как чужая сила давит на него, даже не будучи поглощённой. Она искала брешь в его защите, стучалась в границы его воли, обещая могущество в обмен на человеческую суть. Кожа на руках уже покрывалась тёмной чешуёй, а зрение то и дело затягивала алая пелена ярости, сквозь которую мир становился плоским и злым.

Он понимал: поглотить эту душу сейчас — значит стореть. Ночь Красной Луны была не просто мигом, когда ритуал становится возможным, — это было древнее событие драконьего рода, повторявшееся раз в сто лет. Именно в ту ночь, когда грань между мирами истончалась, наследник мог принять душу предыдущего короля и тем самым продлить существование всего драконьего рода ещё на век. Без этой передачи сила угасала, род слабел, мир терял равновесие. Но если попытаться провести ритуал раньше срока, душа не волеётся в наследника, а разорвёт его изнутри.

Именно поэтому сейчас шла подготовка — не поглощение, а выстраивание защиты. Юкио медленно расставлял вокруг себя камни, найденные у подножия горы: они были испещрены природными прожилками, напоминавшими руны. Он выкладывал их по кругу, ощущая, как каждая грань резонирует с его собственным сердцебиением. Затем из внутреннего кармана плаща он достал тонкую серебряную нить — остаток эльфийской работы, способный удерживать магические потоки. Нить была холодной на ощупь и слегка вибрировала, будто живая. Он оплёл ею кристалл, стараясь не касаться граней голыми руками: даже через ткань перчатки он чувствовал, как по пальцам пробегают разряды, похожие на укусы ледяных ос.

Когда круг был завершён, Юкио опустился на колени и положил ладони на камень пола. Он закрыл глаза и начал тихо напевать — не слова, а звуки, похожие на скрежет когтей по скале и свист ветра в расщелинах. Это был древний драконий напев, предназначенный не для призыва силы, а для её сдерживания. С каждым звуком воздух вокруг становился плотнее, а алая пелена перед глазами чуть отступала, сменяясь серым туманом концентрации.

Именно в этот момент в пещеру бесшумно вошла Хасуми. Её появление принесло с собой тонкий аромат сандала, который мягко разогнал привкус гари и озона, и ощущение ледяного спокойствия, коснувшееся его разгорячённой кожи подобно снежной метели. Она не произнесла ни слова о родстве; её мысленный голос звучал ровно и отстранённо, как голос проводника, знающего цену каждому вздоху:

— Я здесь, чтобы удержать границу. Без меня ты сгоришь раньше, чем наступит Ночь Красной Луны.

Её древняя лисья магия мягко окутала принца, сплетаясь с его напевом и серебряной нитью, создавая многослойный барьер между ним и поглощающей яростью запечатанной души. Контроль начал возвращаться. Красная пелена перед глазами рассеялась, оставив лишь чёткие контуры пещеры и тусклое биение кристалла.

— Ты... — выдохнул Юкио, когда вертикальный зрачок постепенно сузился, возвращая взгляду хоть каплю прежней ясности, а боль отступила, оставив после себя лишь гулкую пустоту. — Проводник.

— Теперь я твой якорь, принц, — ответила она вслух, и её ушки чуть дрогнули, выдавая напряжение, которое она старательно прятала за внешней невозмутимостью. — Мы будем готовиться. Ночь Красной Луны ещё не наступила, а без неё ритуал не даст продления рода — он лишь убьёт тебя. До той ночи нужно выстроить защиту так, чтобы душа вошла в тебя, не разорвав на части.

Она подошла ближе и опустилась на колени напротив него, не пересекая круга из камней, но оставаясь достаточно близко, чтобы её магия продолжала подпитывать барьер. Её взгляд скользнул по серебряной нити и кристаллу.

— Эльфы сделали сосуд крепким, — её голос звучал так, будто она взвешивала каждое слово на невидимых весах. — Но крепость — не значит безопасность. Он будет давить сильнее

с каждым часом. Нам нужно связать его с ритмом горы, чтобы он не пробился сквозь твою защиту раньше времени.

Юкио кивнул, чувствуя, как тяжесть решения давит на плечи не меньше, чем драконья сила. Он посмотрел на кристалл, в глубинах которого время от времени вспыхивали багровые искры, и тихо произнёс:

— Расскажи, что нужно делать. Я готов учиться.

Хасуми чуть наклонила голову, её лисьи глаза на мгновение вспыхнули янтарём, а затем снова стали спокойными и холодными, как озёрная гладь перед бурей.

— Сначала мы закрепим нить на рунах горы, — начала она, указывая ушами на трещины в стенах, в которых мерцали прожилки кварца. — Потом свяжем твой голос с этими прожилками, чтобы напев шёл не только из тебя, но и сквозь камень. И наконец, когда граница станет достаточно прочной, мы начнём настраивать ритм твоего сердца под биение кристалла — но не позволим ему подчинить тебя. Это будет тонкая работа, похожая на балансирование на лезвии клинка.

Юкио снова опустил ладони на холодный камень и закрыл глаза, прислушиваясь к тому, как внутри него пульсирует чужая сила и как рядом, словно противовес, звучит ровный, ледяной ритм магии Хасуми. Он знал: впереди долгие часы подготовки, и каждая минута будет стоить ему усилий. Но впервые за долгое время он почувствовал, что не один на один с этой бурей.

Когда последний луч солнца коснулся вершущек деревьев, окрасив их в цвет червонного золота, у корней Священного Древа собрались семеро. Семь судеб, сплетённых воедино незримой нитью зова Короны. Группа собралась будто сама собой, без чьего-либо приказа, — и всё же каждый занял именно своё место, словно здесь действовала древняя геометрия силы.

Стражи встали по бокам, расправив плечи так, что между ними будто протянулись невидимые нити защиты: один из них сжимал в руках посох, чьё навершие слабо мерцало, впитывая угасающий свет дня, другой держал на сгибе локтя полупрозрачную сеть, сотканную из лунных нитей, — её края подрагивали, реагируя на малейшие колебания магии в воздухе. В центре, чуть впереди, замерли маги и целители: у одного на пальцах плясали крошечные огоньки, похожие на заблудившихся светлячков, у другой в ладонях тихо перетекала из формы в форму живая тень — она то становилась чашей, то расправляла призрачные крылья. Воин впереди стоял неподвижно, но в его позе читалась готовность к рывку: пальцы едва заметно постукивали по рукояти меча, а взгляд был прикован к Лилии, словно от неё зависело, вспыхнет ли этот меч или навсегда останется холодным.

Лилия стояла в самом сердце этого круга, чувствуя тяжесть их взглядов. Они не просто смотрели на неё — они пропускали через себя её дыхание, её пульс, пытаясь уловить, насколько крепка та нить, что связывает её с Древом. Она ощущала, как по корням снизу поднимается тёплый, тягучий поток жизни, смешиваясь с прохладным воздухом вечера; как где-то глубоко под землёй тихо пульсирует Источник, будто второе сердце мира. На её ладонях проступали тонкие серебристые прожилки, повторяющие рисунок коры у самых корней, — знак того, что связь уже начала крепнуть. Волосы, обычно гладкие и тёмные, сейчас слегка искрились, будто в них запутались осколки заката.

Она не знала, откуда в ней это чувство — будто сквозь пелену времени до неё доносится тихий, знакомый ритм, такой родной и в то же время неуловимо далёкий. Он не складывался в слова, не обретал лица, но отзывался в груди тёплой волной, от которой по коже бежали мурашки. Лилия не могла назвать его источником, не могла связать с кем-то конкретным — и всё же ей казалось, что кто-то, скрытый за гранью памяти, тихо держит её за руку, не давая оступиться. Это не было знанием, это было предчувствием, тонкой нитью доверия к самой себе, которая с каждой минутой становилась чуть прочнее.

Они ждали её слова, её решения. Она была их центром. Их надеждой. Их королевой — даже если сама ещё до конца не верила в это. И в этой тишине, когда даже ветер у корней затих, Лилия вдруг отчётливо услышала то, что раньше лишь угадывала: тихий, настойчивый шёпот Древа, который складывался в одно-единственное слово: «Пора».

— Ответы... — прошептала Лилия, подходя к небольшому ручью, бьющему из-под корней Древа. Вода в нём слабо мерцала, отражая не небо, а звёздное полотно, видимое лишь ей одной, — будто кто-то вывернул реальность наизнанку, подставив под свет луны другую сторону мира. Она опустилась на колени, зачерпнула воду ладонями.

Вода была ледяной и обжигала кожу чистой энергией, словно в ней растворили тысячи крошечных молний; по рукам побежали мурашки, а серебристые прожилки на коже засветились ярче, будто отвечая на зов источника.

В тот миг, когда ледяная влага коснулась кожи, в сознании Лилии на долю секунды вспыхнул незнакомый, но до боли родной узор — словно чья-то далёкая, бережно хранимая нежность на мгновение пробилась сквозь толщу забвения. Лилия не поняла, чей это след, не смогла ухватить ни лица, ни имени, но ощутила, как внутри тихо шевельнулось что-то давно уснувшее, будто крохотный росток потянулся к свету. Это чувство не дало ответов, но подарило странную уверенность: она не одна в этой темноте.

Марион-нимфа бесшумно приблизилась к воде и коснулась её поверхности кончиками пальцев. По глади пробежала рябь, но это была не обычная волна — она шла не кругами, а тонкими прямыми линиями, как трещины на древнем стекле. Поверхность воды превратилась в зеркало, показывая прошлое, которое никто из собравшихся не мог забыть, потому что ни один из них его не видел.

Все увидели: рождение первой королевы из слияния звёздного света и отражения полной луны в Волшебном Озере — как небо раскололось над водой, и из разлома шагнула фигура, сотканная из света и тени; создание Короны из ветвей Священного Древа, драгоценного камня, который пульсировал, будто живое сердце, и закалённого в пламени дракона металла, испускавшего багровые искры; предательство короля драконов — как он разорвал клятву, и алая кровь на снегу превратилась в сотни красных цветов, которые тут же увядали, едва касаясь земли; проклятие, павшее на род крылатых ящеров, — оно выглядело как тонкая чёрная сеть, медленно опутывающая небо; исчезновение последней королевы — как она растворялась в тумане, оставляя за собой лишь мерцание, похожее на угасающие созвездия, рассыпанные по кромке мира.

Образы сменялись стремительно, но каждый отпечатывался в памяти с пугающей чёткостью, словно кто-то вырезал их на внутренней стороне век. Лилия почувствовала, как в груди что-то сжалось: среди древних линий и силуэтов ей почудился тот самый тихий ритм, что она ощутила раньше, — он звучал в изгибе ветвей Древа, в мерцании звёздного полотна, в едва заметном дрожании водной глади. Она не смогла связать его с исчезнувшей королевой, не узнала в нём черты родства, но он отозвался в ней как что-то бесконечно близкое, будто эхо собственного голоса, услышанное издалека.

— Мир болен без своей хранительницы, — тихо сказала Марион, отрывая руку от воды. Образы погасли, оставив после себя лишь лёгкое дрожание воздуха над поверхностью ручья, будто вода всё ещё пыталась удержать увиденное. — Дриады гибнут без её благословения: их листья сохнут, даже когда идёт дождь, а голоса становятся тише с каждым рассветом. Магия иссыкает капля за каплей, как вода сквозь трещины в камне. Баланс нарушен. Пророчество гласит: «Когда мир будет на грани, явится новая королева фей». Ты пришла, Лилия.

Взгляды всех присутствующих обратились на неё. Надежда смешивалась с сомнением, недоверием и благоговением — и в каждом взгляде было что-то своё: в глазах стража с сетью читался страх, что она окажется слишком хрупкой для этой ноши; у целительницы, державшей живую тень, во взгляде сквозила решимость помочь любой ценой; воин чуть склонил голову,

будто уже приносил молчаливую клятву. Лилия ощутила, как тяжесть чужих ожиданий давит на плечи, но одновременно с этим по корням вверх поднимался тёплый поток, который мягко обволакивал её изнутри, напоминая, что она не одна.

Лилия медленно опустила ладони на влажную землю у кромки ручья. Сквозь пальцы пробивались тонкие корешки, едва заметные, словно шёлковые нити. Она закрыла глаза и тихо произнесла, стараясь, чтобы голос не дрогнул:

— Я не знаю, достойна ли я этого. Но я чувствую, как Древо дышит через меня. И если я могу хоть немного замедлить угасание мира... я попробую.

Марион мягко улыбнулась — это была улыбка того, кто слишком долго нёс бремя в одиночку и наконец увидел, что может немного ослабить хватку.

— Достоинство не даётся сразу, королева, — сказала она, опускаясь на колени рядом с Лилией. — Оно растёт, как это Древо: сначала крошечный росток пробивается сквозь камень, потом тянется к свету, и лишь спустя годы становится тем, что держит небо. Ты уже делаешь то, что должна. А мы будем рядом.

В этот миг ручей снова дрогнул, и на поверхности на долю секунды проступил силуэт Короны — не настоящей, а той, какой она могла бы стать, если Лилия примет свою судьбу до конца. Лилия глубоко вдохнула, ощущая, как ледяной холод воды и тёплое дыхание корней сплетаются внутри неё в ту самую нить силы, о которой все так долго говорили. Где-то на самой границе сознания по-прежнему тихо звучал тот далёкий, родной ритм — не раскрывая своей тайны, он просто был рядом, как тихий свет в непроглядной тьме.

Напряжение разрядил Тобиас-воин. Он поднялся с колена, и его тяжёлые шаги гулким эхом отразились от исполинского ствола Древа, будто сама земля не хотела пропускать этот звук дальше, пытаясь его поглотить. Пыль, поднятая его сапогами, на миг вспыхнула в косых лучах, пробивавшихся сквозь крону, — в этом свете она казалась не обычной пылью, а крошечными осколками угасающей магии. Он мрачно оглядел собравшихся, особенно задержав холодный, изучающий взгляд на Денисе и Луке. В его глазах, привыкших высматривать угрозу в любой тени, сейчас читалась не просто подозрительность — в них стояла память о старых войнах, о клятвах, которые люди когда-то давали и которые слишком часто нарушали.

— Люди дали клятву верности Королеве много веков назад... — его голос был подобен скрипу гравия, грубый и шершавый, будто он давно не говорил вслух. — Чтобы искупить грехи наших предков перед вашим народом. Но где гарантия, что эти двое пришли служить, а не сеять хаос, пользуясь нашей слабостью? Мы все знаем, как легко чужая беда становится для кого-то дверью к власти.

Денис-друид крепче сжал свой посох, костяшки пальцев побелели так, что сквозь кожу будто проступил рисунок вен, схожий с древесной корой. На навершии посоха, где был вплавлен кусочек живого янтаря, вспыхнул и тут же погас крошечный огонёк — знак того, как резко всколыхнулась его магия. Лука нахмурился, перестав улыбаться; его лицо стало серьёзным и сосредоточенным, а в уголках губ проступила та самая собранная твёрдость, которая обычно пряталась за его привычным добродушием. Он опустил руки, но не расслабил их — пальцы слегка подрагивали, будто ему хотелось коснуться земли, чтобы проверить, насколько она ещё живая.

— Мои руки служат жизни, человек, — твёрдо сказал Денис, делая шаг вперёд. Его голос звучал ровно, но в нём слышался низкий гул, похожий на отдалённый шум лесного половодья. — Я чувствую, как корни шепчут о боли, как ветви теряют силу с каждым рассветом. Моя сила нужна Лесу так же, как и твоя клятва верности нужна твоей госпоже! И если ты думаешь, что я пришёл сюда ради чужой крови, посмотри на мои ладони: на них нет следов пепла, только сок трав и смола.

Слова Дениса повисли в воздухе, тяжёлые и настоящие, как древесные стволы. Но это стало последней каплей для Никиты-стража: он снова потянулся к луку, натягивая тетиву.

Тихое дзинь металла прозвучало как приговор, и этот звук будто разорвал тонкую ткань доверия, едва успевшую сомкнуться над кругом у корней. В этом «дзинь» было столько холодной решимости, что даже листья над головой на мгновение перестали шелестеть, словно затаили дыхание.

Лилия почувствовала, как паника холодной змеей поднимается по позвоночнику, обжигая кожу изнутри. Она ощутила, как серебристые прожилки на её ладонях едва заметно пульсируют, отзываясь на всплеск враждебности, а где-то глубоко под ногами Источник глухо встрепенулся, будто испуганный зверь. Ещё мгновение — и хрупкий союз, только-только зародившийся, рухнет, превратившись в бойню прямо здесь, у сердца мира, и тогда даже Древо не сможет залечить рану, нанесённую теми, кто должен его защищать.

— СТОЙТЕ! — её голос прозвенел подобно хрустальному колокольчику, усиленный магией Короны. Он не был громким, но обладал такой властью, что заставил всех замереть на месте, включая Никиту, чья стрела так и осталась наполовину натянутой. В тот миг, когда прозвучало это слово, воздух вокруг будто уплотнился, и даже рябь на поверхности ручья у корней застыла, превратившись в неподвижную гладь.

— Посмотрите вокруг! Лес умирает! Деревья чахнут, источники мелеют, дриады теряют голоса, а магия уходит из мира капля за каплей! Если мы начнём драться здесь и сейчас, завтра уже не будет ни людей, ни эльфов, ни фей! Мы все здесь потому, что старый порядок сломался! И если мы хотим выжить, нам придётся построить новый... вместе!

Она обвела взглядом лица своих спутников, стараясь поймать и удержать каждый взгляд, чтобы в нём не осталось места слепой ярости. Никита медленно, словно через силу, опустил лук; его плечи дрогнули, выдавая, как тяжело ему далось это движение, — в глазах стража на миг промелькнуло не торжество готовности к бою, а усталость человека, который слишком долго ждал угрозы и теперь не знал, куда деть свою собранность.

Тобиас тяжело вздохнул, его широкие плечи поникли, и он отступил на шаг, хотя рука его всё ещё машинально сжимала эфес меча. Но даже сквозь эту суровую броню сейчас пробивалось другое: тень сомнения, которое он прятал за подозрительностью, — сомнения в том, что вообще есть смысл в клятвах, если никто больше не верит в их силу. Он бросил короткий взгляд на Древо, будто ища у него ответа, и в этом взгляде на секунду мелькнуло что-то почти беспомощное.

Денис чуть ослабил хватку на посохе, и янтарный огонёк на его навершии снова замерцал, но уже не яростно, а мягко, как лесной костёр в спокойную ночь. Он опустил голову, признавая правоту Лилии, но в его позе всё равно оставалась готовность защищать то, что ему дорого, — просто теперь эта готовность не искала врага в собеседнике.

Лука медленно выдохнул и чуть развёл руки в стороны, показывая, что не таит угрозы. Его взгляд стал тёплым и внимательным, будто он пытался разглядеть в каждом из присутствующих не потенциального противника, а того, кто тоже устал бояться.

Конфликт был исчерпан. Пока что. Но в воздухе всё ещё витал привкус недоверия, похожий на горьковатый дым после пожара, — он не исчез, а лишь осел на землю, готовый вспыхнуть снова при первом резком движении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.